

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ЭТНОГРАФИИ И АНТРОПОЛОГИИ С С С Р

Л. Н. ТЕРЕНТЬЕВА

К ВОПРОСУ О ПЕРЕХОДЕ ОТ ХУТОРСКОГО РАССЕЛЕНИЯ К КОЛХОЗНЫМ ПОСЕЛКАМ В ЛАТВИЙСКОЙ ССР

До организации колхозов преобладающим типом крестьянских поселений в Латвийской ССР были хутора. Хутор представлял собой обособленную сельскохозяйственную единицу. Он состоял из усадебной земли, окруженной мелкими участками пашен, сенокосов, пастбищ. В пределах хутора нередко находились и небольшие участки леса. На некоторых хуторах до 70% площади занимали болота и топи. Границы между хуторами были резко очерчены канавами, рядом камней, кустами и т. д. Земли каждого хутора находились обычно в одном месте, при усадьбе. Однако немало было и таких хуторов (особенно на землях бывших казенных имений), земельные угодья которых были разбросаны в нескольких местах, значительно отдаленных одно от другого.

Хуторская усадьба объединяла группу построек, в которую, кроме жилого дома, обычно входили хлев, клетки, погреб, баня, рига или крытое гумно. Постройки располагались на открытом дворе. За двором находился огород, далее шли поля.

Распространенность на большей части территории Латвии хуторского землепользования и однодворного расселения породила в прошлом ошибочное представление о том, что латыши испокон веков жили хуторами. Буржуазные националисты использовали эту точку зрения как одно из доказательств особого исторического пути развития латышского народа и его культурного превосходства над другими народами, в особенности над русскими. Пропаганда такой «теории» преследовала и другие цели: подтвердить «извечность и неизбежность» частной собственности на землю, «извечность и нерушимость» бытового уклада латышей в оправдание аграрной политики, проводившейся буржуазным правительством Латвии.

Правильный ответ на вопрос о формах расселения и землепользования в Латвии имеет в настоящее время не только научное, но и немалое политическое значение. «Теория» об «извечности» частного землепользования и однодворного хуторского расселения нашла отголоски при проведении коллективизации сельского хозяйства в Латвии (1947—1949). Остатки враждебных элементов, пытаясь оказать противодействие социалистическим преобразованиям, утверждали, что колхозы «не привьются» в Латвии ввиду «особого психического склада латышей-хуторян». Успешный ход коллективизации разбил эти утверждения.

* * *

Археологические данные, исторические источники и этнографические материалы свидетельствуют о том, что хуторскому частному землепользованию и одноворному расселению в Латвии предшествовало общинное землепользование и расселение деревнями. На территории Латвии до сих пор сохранились остатки деревень, окруженных до недавнего прошлого чересполосными участками пашен, лугами и пастбищами, находившимися ранее в общинном пользовании.

Марксистское освещение вопроса о формах землепользования и расселения в Латвии впервые было дано Фр. Розин-Азисом в его работе «Страница из истории крестьянства», представляющей собой историко-экономическое исследование аграрных отношений в Прибалтике¹.

«Одним из наиболее распространенных предрассудков, мешающих пониманию истории латышского крестьянства,— писал Фр. Розин-Азис,— является мнение, распространяемое с давних пор, будто бы латыши, по причине расовых особенностей, уже с незапамятных времен жили отдельными дворами или усадьбами, не зная деревень и сел, равно как и общественной собственности на землю, более или менее походившей на русский мир или немецкую марку»².

В доказательство ошибочности такого взгляда Фр. Розин-Азис приводит данные из исторических документов (летописи Балтазара Русова, относящиеся к XVI в.³; списка населенных мест (кадастра), составленного по приказанию шведского правительства в 1599–1601 гг.⁴; ревизионных листов XVIII в. и др.), свидетельствующие о том, что у латышей, как и у других народов, на определенном уровне их общественного развития «существовали мирские отношения» и что они «селились и жили деревнями»⁵.

Советские историки и археологи Прибалтики — лауреат Сталинской премии проф. Я. Я. Зутис, Т. Зейде, проф. Х. А. Моора, Э. Д. Шноре, разоблачая в своих работах взгляды буржуазных националистов — фальсификаторов истории Латвии Швабе, Болодиса, Тентеле и других⁶, уделяют также значительное внимание критике их порочной концепции об извечности хуторского расселения и землепользования.

Х. А. Моора в недавней книге «Первобытно-общинный строй и раннее феодальное общество на территории Латвийской ССР» пишет: «Взгляд, который часто можно было встретить в буржуазной исторической литературе, якобы у латгалов не было сел и якобы их «особенностью» были отдельные хозяйства, является совершенно неправильным». По мнению Х. А. Моора, взгляд этот поддерживался вследствие того, что усадьбы латгалов-общинников были в известной мере разбросаны по холмистой местности. Основываясь на этом, указывает Х. А. Моора, бур-

¹ Фр. Розин-Азис. Страница из истории крестьянства, Л., 1925. Фр. Розин-Азис — один из идеологов и теоретиков коммунистической партии Латвии, являвшийся в 1919 г. народным комиссаром земледелия (умер в 1919 г.). Упомянутая работа вышла впервые на латышском языке в 1904 г. в Швейцарии под названием «Latviešu Zemnieks» и вторично в 1906 г. в царской России — на русском, под названием «Латвийский крестьянин». Латвийская националистическая буржуазия относилась к книге Фр. Розин-Азиса с ярой ненавистью. Переиздание ее в Латвии было запрещено.

² Фр. Розин-Азис, Указ. раб., стр. 17.

³ Balthazar Russow, Chronica der Provinz Lyfflandt... etc., 1584.

⁴ Th. Schienmann, Der älteste Schwedische Kadaster Liv- und Estlands. Eine Ergänzung zu den Baltischen Güterchroniken, herausgegeben von Dr. Th. Sch., Reval, 1862.

⁵ Фр. Розин-Азис, Указ. раб., стр. 19.

⁶ См., в частности, «Buržuaziskie nacionalisti Latvijas vēstures viltotāji» («Буржуазные националисты — фальсификаторы истории Латвии»), Riga, II izd., 1953.

жуазные историки неправильно приравнивали древние селения латгалов к хуторам капиталистического времени⁷.

Выводы по интересующим нас вопросам, к которым пришли ученые Советской Латвии, наиболее полно сформулированы ими в вышедшем в конце 1952 г. капитальном труде «История Латвийской ССР». Привлекая большой археологический материал и данные исторических источников, советские историки и археологи с неопровержимой убедительностью доказали лживость и антинаучность взглядов буржуазных «исследователей» и восстановили подлинную историю латышского народа. Они показали, что латыши в своем историческом развитии не представляли какого-либо исключения, что народы Прибалтики подобно всем другим народам прошли стадию первобытно-общинного строя, распад которого на территории Латвии происходил в период VI—IX вв. Взамен его создавался строй сельской или территориальной общины. Остановившись довольно подробно на основных чертах древнелатышской общины и подчеркивая, что типичным поселением той эпохи была деревня, авторы «Истории Латвийской ССР» указывают, что латышская община «имела полную аналогию с «мирами» и «погостами» русского Севера»⁸ (отметим кстати, что волость по-латышски называлась «пагастс»).

Вторжение в Прибалтику в конце XII — начале XIII в. немецких захватчиков и развитие в дальнейшем крепостнических отношений повлекло за собой большие изменения в условиях жизни и быта народа. Изменения эти коснулись и форм расселения. «Вся страна покрылась сетью феодальных мыз (имений), которые уничтожили старые сельские общины»⁹. Ломая общинное землепользование и расселяя крестьян по хуторам, обычно в лесные чащи или на островки среди болот, немецкие феодалы преследовали не только экономические выгоды — захват более плодородных земель, но и политические цели — разобщение крестьян. Они стремились лишить их поддержки общины, чтобы исключить возможность сопротивления «притязаниям помещиков на даровую рабочую силу»¹⁰.

Таким образом, хуторская система существовала не извечно, а насаждалась насильственно немецкими феодалами в ходе упрочения их господства в Прибалтике.

К концу XVIII — началу XIX в. однодворные крестьянские усадьбы или хутора утвердились уже как господствующая форма землепользования и расселения на большей части территории Латвии. Деревни повсеместно сохранялись только в Латгалии (восточной Латвии), входившей до 1917 года в состав Витебской губернии. В Лифляндии расселение деревнями частично оставалось в восточных уездах (Валкском, Мадонском и других); в Курляндии деревни встречались лишь вдоль берега моря (поселки рыбаков), а также в Кулдигском, Фридрихштадтском и особенно Илукстском уездах. Процесс ликвидации деревень и выселения крестьян на хутора шел в Прибалтийских губерниях и в последующие десятилетия XIX в., что было связано с перестройкой помещиками своих имений на капиталистический лад.

Изменения в формах крестьянского землепользования и расселения в Латгалии, земельный уклад и земельные отношения в которой имели больше общего с внутренними губерниями царской России, чем с прибалтийскими — Лифляндской, Курляндской и Эстляндской, — относятся к 1907 г. и связаны с проведением в России столыпинской реформы. К 1914 г. около одной шестой латгальских селений было разбито на

⁷ Н. А. Моога, Pirmatnējā kopienas iekārta un agrā feodālā sabiedrība Latvijas PSK teritorijā (Первобытно-общинный строй и раннефеодальное общество на территории Латвийской ССР), Rīga, 1952, стр. 161.

⁸ «История Латвийской ССР», т. I, Рига, 1952, стр. 63, 64.

⁹ Там же, стр. 120.

¹⁰ Там же, стр. 123.

хутора. Завершение столыпинской реформы относится уже к «заслугам» буржуазного правительства Латвии, которое параллельно с проведением аграрной реформы осуществляло по всей Латвии насильственную разбивку деревень на хутора (рис. 1).

Насаждение хуторской системы расселения проводилось с большой поспешностью. С 1920 по 1937 г. только в Латгалии было ликвидировано 4447 деревень и вместо них создано 69 256 хуторов¹¹. Буржуазные земле-

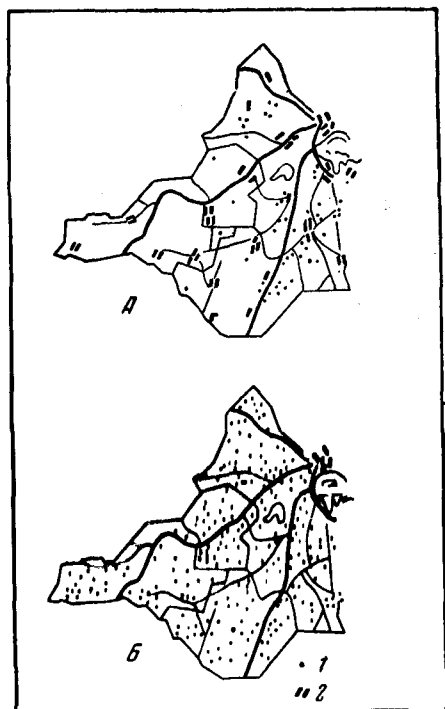

Рис. 1. Размещение населенных пунктов на части территории бывшей Дагдинской волости Даугавпилсского уезда: А — к началу буржуазной аграрной реформы (1920 г.); Б — после аграрной реформы (1939 г.); 1 — хутора; 2 — деревни

(Из указанной работы С. А. Удачина, стр. 142)

новые площади пахотных земель за счет выселенных на пустыри и болота соседних маломощных хозяев. В деревне Тепеница землеустроители вынудили крестьянина-бедняка Бокума «уступить соседям» свой усадебный участок и пахотную землю, а ему отвели хутор далеко за деревней. Из 10 га нарезанной Бокуму земли 7 га занимало топкое болото, которое в дождливое лето нельзя было использовать даже как пастбище. Дом, для которого хозяин долго выбирал место «посуше», с каждым годом все больше оседал на зыбкой почве под собственной тяжестью. Вместе с домом «опускалось» и все хозяйство Бокума, попавшего в тиски кулацкой кабалы¹².

устроители пытались доказать, что это проводилось якобы «по желанию самих крестьян и в интересах последних». В действительности это было одним из актов насилия над трудовым крестьянством Латвии. Об этом свидетельствует прежде всего само законодательство буржуазного правительства. 20 июня 1924 г. был издан специальный закон о полной ликвидации общинного землепользования в Латвии, согласно которому земли, находившиеся еще до того времени в общинном пользовании (пастбища и другие угодья), переходили в частную собственность лиц, пользовавшихся ими в момент издания закона. Последнее было чрезвычайно невыгодно для деревенской бедноты¹². При разбивке деревень на хутора строго соблюдался классовый принцип. Все «мероприятия», связанные с «землеустройством хуторян», представляли собой не что иное, как насильственное выселение беднейшей части крестьянства с обжитых и более плодородных земель на худшие земли для расширения земельных владений кулачества. Например, при проведении «нового землеустройства» в деревнях Курны и Чеботравы (Балвский район) большинство крупноземельных дворов было оставлено на прежних местах и к их участкам были прирезаны

¹¹ С. А. Удачин, *Земельная реформа в Советской Латвии*, Рига, 1948, стр. 136.

¹² Подобно этому производилась насильственная разбивка деревень на хутора в соседних буржуазных республиках — Литве и Эстонии.

¹³ Полевые материалы автора, 1951 г.

Переселение на хутора вконец разоряло крестьян. Вынужденные пользоваться «кредитами» для устройства хозяйства на новом месте, они попадали в затыжную долговую зависимость от банков. В результате к 1930 г. 80% всех крестьянских хозяйств, как сообщает С. А. Удачин, оказались заложенными, и часть из них была потом продана с торгов. В последующие годы процент заложенных хуторов продолжал повышаться¹⁴.

«Насаждение хуторов,— отмечает тот же автор,— было направлено на разобщение, отсталость и одичание сельского населения, на воспитание у крестьян животной привязанности к своему клочку земли, к своему дому, на создание такой обстановки, в которой «человек — человеку волк»¹⁵. Для достижения этого буржуазия пускалась на различные ухищрения, доходившие нередко до абсурда. Например, в тех местах, где по природным условиям (наличие непроходимых болот, озер, рек и т. п.) старое землепользование и расселение существенно изменить не удавалось, землеустроители дробили угодья (преимущественно пастбища) на мелкие участки и запрещали крестьянам пользоваться ими сообща. Деревню, хотя ее и приходилось в этих случаях оставлять на прежнем месте, объявляли ликвидированной и переставали обозначать на картах. Владельцев обязывали дать отдельное название своей усадьбе, как хутору (в деревнях усадьбы числились под номерами). Так поступили с деревнями: Смедорстаны Селпилской волости Екабпилского уезда, Битяны, расположенной на берегу озера Реннеберг в той же волости, и рядом других¹⁶. Особенно много таких деревень в Латгалии.

Несмотря на усердие землеустроителей и на все их ухищрения, к моменту краха буржуазной власти в Латвии (1940 г.), наряду с хуторами, являвшимися к этому времени уже повсеместно господствовавшей формой расселения, кое-где все же сохранились деревни или остатки их. Значительное число деревень сохранилось в нынешних Акнистском и Илукстском районах (в прошлом Екабпилский и Илукстский уезды). Поселения некоторых колхозов в этих районах состоят почти исключительно из деревень, а не из хуторов (например, колхозы «Падомью Латвия», «Пякотне», им. Райниса и другие).

Наши полевые исследования показали, что деревни в этих районах были основным типом расселения крестьян вплоть до 1920-х годов (т. е. до буржуазной аграрной реформы). Хутора были редким исключением и появились сравнительно недавно, в конце XIX в. Так, из 125 дворов колхоза «Падомью Латвия» 98 входили в прошлом в состав 6 деревень, 20 образовались как хутора на купленных у помещика участках выгоревшего леса и 7 хуторов возникли в результате проведения буржуазной аграрной реформы. Деревни, находившиеся на территории названных районов, имели кучевую, уличную или рядовую планировку. В некоторых деревнях планировка в значительной мере сохранилась. Таковы деревни Прункени, Зилени, Куколени, входящие в колхоз «Падомью Латвия», а также Пудани, Бокани, входящие в колхоз им. Райниса, и другие.

Наличие таких неоспоримых свидетельств, как остатки деревень, является одним из самых убедительных доказательств лживости «теории» об извечности хуторского расселения в Латвии¹⁷.

¹⁴ С. А. Удачин, Указ. раб., стр. 124.

¹⁵ Там же, стр. 339.

¹⁶ Эти, как и многие другие деревни, особенно на территории бывших казенных имений, упоминаются и в поздних архивных документах 80-х — 90-х годов XIX в. См., например, «Проект регулирования бывших Зельцбургских обергауптманской, секретарской и министеральной видм, Курляндской губернии, Фридрихштадтского уезда» (хранится в архиве Управления землеустройства и севооборотов Министерства сельского хозяйства Латвийской ССР).

¹⁷ Автором проводились полевые исследования в восточной Латвии (Латгалии) на территории современных Балвского, Виякского, Резекненского и Даугавпилского

* * *

Крестьянские поселения Латвии накануне установления Советской власти (1940) по времени их возникновения можно разделить на две основные группы: старые и новые поселения. К старым относятся остатки деревень и хутора, находившиеся на бывших крестьянских землях помещичьих, казенных и церковных имений. Владельцы этих усадеб или дворов в деревнях в большинстве случаев были потомками крепостных крестьян, выкупившими в 1870—1880-х годах землю у немецких помещиков. Некоторые из старых хуторов возникли уже после оформления выкупной операции. Это усадьбы, приобретенные крестьянами у помещиков из мызных земель, потерявших ценность (например, болотистые участки на месте выгоревших лесов), а также усадьбы, образовавшиеся от продажи крестьянами части своих земель или в результате раздела отцовского наследства¹⁸.

Новые поселения представляют собой хуторские усадьбы, застроенные в 1920—1930-х годах на бывших помещичьих землях, полученных крестьянами на условиях выкупа по буржуазной аграрной реформе.

Старые хутора расположены обычно вдоль больших дорог, при этом многие из них образуют группы по 2—3 усадьбы. Расстояние между такими группами составляет обычно 1—3 км. Новые хуторские усадьбы в большинстве случаев беспорядочно разбросаны среди полей, кустов, леса и болот и соединяются с основными магистралями отдельными дорогами, проложенными специально к каждому хутору. Эти хутора находятся один от другого на расстоянии 1—2 км, некоторые немного ближе, но не рядом. Такое отличие в расположении старых и новых хуторов, по нашему мнению, не случайно. Групповое расположение старых хуторов указывает в большинстве случаев на наличие в прошлом на этом месте деревни. Современное население (особенно в западной Латвии, где хуторская система упрочилась, как мы отмечали, очень давно) не всегда об этом помнит, но по характеру землепользования, а иногда и по расположению усадеб это нетрудно обнаружить. Некоторые группы хуторов возникли, повидимому, в результате дробления больших семей. Об этом свидетельствуют такие признаки, как общие или очень близкие названия входящих в одну группу усадеб (например: Осми, Старые Осми, Малые Осми, Брульяны, Старые Брульяны и т. д.), проживание в таких тесно сомкнутых усадьбах до настоящего времени ближайших родственников (потомков братьев по отцу), наличие у некоторых групп общего кладбища и др.¹⁹

Часть хуторов, расположенных группами, имеет совсем недавнее происхождение, о чем упоминалось выше.

Расположение новых хуторов отражает взаимоотношения крестьян в эпоху империализма; рост классового расслоения и усиление конкуренции вели к экономическому разобщению крестьянских хозяйств.

районов, в юго-восточной Латвии (Аугшземе) — в Неретском, Акнистском и Екабпилском районах, а также в Видземе (в Алуксненском, Гауйском и Цесисском районах). Во всех районах, кроме Цесисского, сохранилось в большей или меньшей степени расселение деревнями.

¹⁸ Раздел земли у латышей был довольно большой редкостью, так как, по существовавшим обычаям, землю отца целиком наследовал один из сыновей. Исключение представляла Латгалия, где принято было делить землю отца между всеми сыновьями.

¹⁹ Все эти признаки наиболее четко прослеживаются в поселениях, находящихся на территории бывших казенных имений, где действовало право наследственного землепользования крестьян. В этих имениях значительное число крестьянских поселений — деревень и однодворных усадеб — находилось с давних пор (возможно, с момента возникновения или во всяком случае в течение ряда столетий) на одном и том же месте. Вопросы эти ранее в этнографической литературе о латышах не освещались. Наше предположение основано на личных наблюдениях и опросе информаторов, в частности на записях родословных. В дальнейшем предстоит провести в этом направлении более длительные и углубленные исследования с охватом большего числа объектов.

Поэтому хуторские усадьбы, созданные в годы буржуазной власти, размещены не компактно (хотя часто это было бы удобнее по условиям местности), а на значительном расстоянии одна от другой. Характерно, что и некоторые владельцы старых хуторов, расположенных группами, особенно кулачество, стремились в эти годы также, елико возможно, отделиться от своих соседей. Они нередко переносили свои усадьбы по-дальше от дороги и примыкавших к ним соседних усадеб, отгораживались заборами, густыми рядами зеленых насаждений, глухими стенами построек и т. д. В качестве примера можно назвать хутор Даугавиеспи

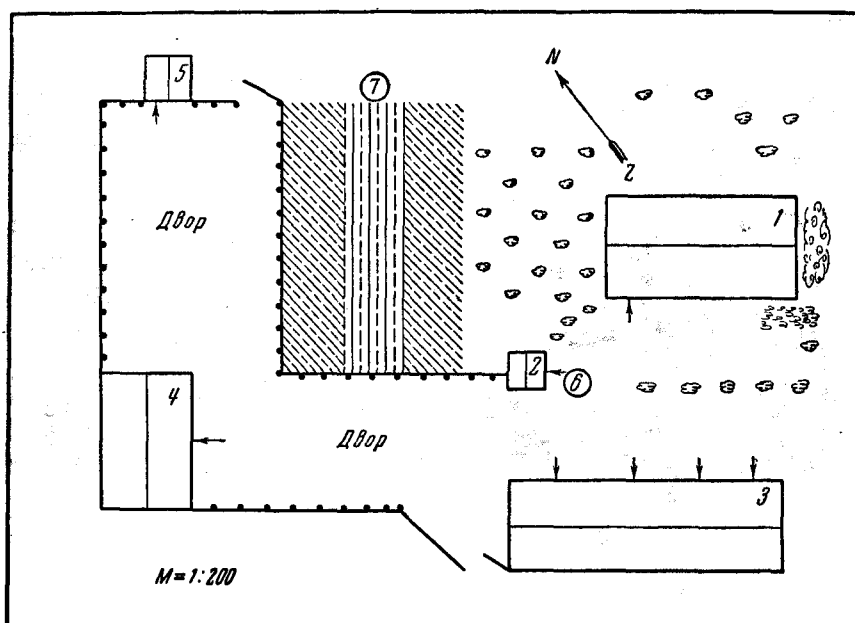

Рис. 2. План хуторской усадьбы Андрея Зача (колхоз «Таута драудзиба» Балвского района): 1 — жилой дом; 2 — клеть; 3 — помещение для скота и хранения корма; 4 — рига; 5 — баня; 6 — колодец; 7 — огород

(бывшей Селпилской волости, ныне относящийся к территории колхоза «Селия» Екабпилского района). Владевший этим хутором крупный кулак Стрельниекс перенес его в лес, в сторону от дороги, на расстояние около 500 м от соседних усадеб.

В планировке старых усадеб или дворов в деревнях, как и в архитектуре построек, имелись локальные отличия, границы распространения которых совпадали в большинстве случаев с границами этнографических областей или бывших земель: Курземе, Земгале, Видземе, Латгале. В Видземе и Латгале постройки в усадьбах группировались вокруг двора, образуя замкнутый четырехугольник. В промежутках между постройками в Латгале воздвигался забор. В Курземе и Земгале постройки располагались более свободно и обычно не соединялись забором. Планировка дворов в деревнях в пределах одной и той же этнографической области в общем не отличалась от планировки хуторских усадеб, но постройки располагались ближе одна к другой. Дома в деревнях с уличной или рядовой планировкой были обращены боковым или передним фасадом к улице. К дому в один ряд с ним примыкали высокие ворота. В остальных областях, там, где деревни были в большинстве случаев кучевые или где от них вообще уже не осталось следов и формой поселения были однодворные усадьбы, фасады домов ориентировались по странам света (на юг или на восток).

В усадьбе постройки располагались обычно следующим образом: жилой дом, напротив него через двор — клеть (часто ставили две клетки рядом), налево или направо — хлев, против него сарай (иногда сарай пристраивался к хлеву). Внутри двора был также колодец и нередко погреб. На значительном расстоянии от двора, по возможности у какого-нибудь водоема, ставили баню, а еще дальше, на противоположной стороне усадьбы, — ригу. В некоторых усадьбах клетки находились сбоку, а хлев против жилого дома (см. рис. 2).

В Курземе и Земгале постройки для скота, конюшня и сарай обычно объединяли под одной крышей. Такие скотные дворы имели покоеобразную или глаголеобразную форму. Покоеобразные дворы являются более

Рис. 3. Старый крестьянский жилой дом из известнякового плитняка, в настоящее время не используемый. В этом доме в 1860-х годах помещалась приходская школа

ранней формой постройки. С развитием животноводства как основной отрасли такие дворы перестали удовлетворять потребностям крестьянского хозяйства. Они постепенно заменялись постройками, вытянутыми в одну линию, хотя часто также объединенными одной крышей.

Большинство старых усадеб застроено еще в 1870—1880-х годах. Встречаются постройки 1840—1850-х годов и более ранние. Все они преимущественно бревенчатые, срубные. В районах, примыкающих к берегу р. Даугавы, довольно много жилых и хозяйственных построек из известнякового плитняка²⁰ (рис. 3). На протяжении истекших десятилетий усадьбы не подвергались какой-либо существенной перестройке или перепланировке, за исключением хуторов, восстановленных после пожаров или разрушений военного времени.

Новые усадьбы по планировке мало отличаются от старых, но число и характер построек в них изменились. На новых хуторах не строили риг, их заменило крытое гумно. Редко где можно было встретить бани (жители

²⁰ Известковый плитняк непригоден для жилого строительства ввиду большой теплопроводности. Несмотря на это, латышские крепостные крестьяне вынуждены были им пользоваться, так как паломать плитняк было куда легче, чем получить у помещиков разрешение на рубку леса в захваченных ими лесных массивах.

ли этих усадеб мылись в кухнях жилых домов, в больших деревянных чанах).

Жилые дома в новых усадьбах в восточных районах Латвии по архитектуре мало отличались от домов на старых хуторах; в центральных и западных районах эти отличия сказывались значительно резче.

Облик хутора или двора в деревне, число, характер и размеры построек находились в прямой зависимости от имущественного положения его владельца. В Прибалтийских губерниях, где капиталистические отношения в сельском хозяйстве развивались быстрее, чем во многих внутренних губерниях царской России, классовое расслоение в деревне было выражено значительно резче. На это в свое время указывал В. И. Ленин²¹. В Латвии к началу XX в. было более 60% безземельных крестьян. В западных областях — Курземе и Видземе (бывш. Курляндская и часть Лифляндской губернии) безземельные составляли почти $\frac{3}{4}$ общего числа населения, занятого в сельском хозяйстве. Чтобы не лишиться постоянной дешевой рабочей силы, помещики, а в угоду им и казна, старались некоторую часть безземельных крестьян «привязать» к земле путем сдачи им в аренду или предоставления в собственность (последнее реже) карликовых участков. Этим они пытались предотвратить до некоторой степени отход безземельных крестьян в промышленные центры.

Мелких и средних землевладельцев (от 1 до 22 га) было только 36 тыс., причем большая часть их (29 тыс.) находилась в Латгалии. Вместе с тем, среди крестьян, владевших землей, было много крупных собственников, а именно: 56% крестьян земельных собственников имели к 1905 г. крупные участки площадью 21,9 га и более (от 20 десятин); в их руках было сосредоточено 82% крестьянских земель. Особенно много таких землевладельцев было в Курземе (80%, имевших 91% земли) и в Видземе (97%, сосредоточивших 99% всей крестьянской земли)²². «Эти многоземельные хозяйства, подчеркивает С. А. Удачин, — были преимущественно кулацкими и в широком масштабе применяли наемный труд»²³.

Классовая дифференциация деревни значительно возросла в годы буржуазной диктатуры. Литийская националистическая буржуазия, придя к власти в 1919 г. с помощью международного империализма, ликвидировала все завоевания Великой Октябрьской социалистической революции и восстановила в стране капиталистический строй. Проведенная впоследствии для предотвращения революционных выступлений крестьян аграрная реформа представляла собой только ширму, спрятавшись за которую латышская националистическая буржуазия обеспечила укрепление буржуазной собственности на землю.

Буржуазная аграрная реформа не ликвидировала острого безземелья в стране. Землей было удовлетворено не более 35—40% общего числа претендовавших на нее крестьян²⁴. Отказывали в земле преимущественно батракам. Не случайно одной из причин отказа в земле было отсутствие у подавшаго заявление сельскохозяйственного инвентаря.

В результате реформы и аграрной политики, проводившейся буржуазией в последующие годы, в руках кулацко-капиталистической верхушки оказалось 65% всего фонда земель сельскохозяйственного значения²⁵. Одновременно не только не сократился, но даже возрос процент карликовых пролетарских хозяйств с площадью до 2 га. Сохраняя и увеличивая число этих «нежизнеспособных» хозяйств, буржуазное правительство, прикрываясь лозунгом «заботы о безземельных», преследовало цель обеспечить кулаков дешевой рабочей силой.

²¹ См. В. И. Ленин, Развитие капитализма в России, Соч., т. 3, стр. 147—148

²² С. А. Удачин, Указ. раб., стр. 28—30.

²³ Там же, стр. 29.

²⁴ Там же, стр. 60.

²⁵ Там же, стр. 58.

Резкая социальная дифференциация латышского крестьянства, имевшая место в царской России и еще более усилившаяся в годы господства буржуазии, не только накладывала определенный отпечаток на облик крестьянских поселений, но и приводила к созданию особых поселений, объединявших жителей по социальному признаку.

Крайним выражением социальной дифференциации деревни являлось создание специальных батрацких поселков. Часть из них была застроена еще в конце XIX — начале XX в. на землях помещичьих или казенных имений, другие появились совсем недавно, в годы буржуазной власти.

В качестве примера старого батрацкого поселка можно назвать поселок Неретас лауки (Неретские поля), расположенный неподалеку от центральной усадьбы бывшего имения Вец Нерета. Поселок этот, состоящий из 27 дворов, возник в начале 1900-х годов. Жители его, пользовавшиеся землей на условиях аренды, были батраками неретских помещиков. Размеры арендуемых земельных участков не превышали 1,3 га, из которых около 0,5 га составляла пахотная земля, а остальное — болотистые луга, расположенные на значительном расстоянии от поселка.

Подобного рода был и поселок Слате в 25 дворов, расположенный на территории бывшей Слатской волости (ныне Акнистский район). Владельцами дворов в этом и многих других таких же поселках были солдаты-латыши, возвращавшиеся с долгосрочной службы. Участки земли, которые им отводило царское правительство на территории казенных имений, не превышали 1,6—2,2 га и были обычно расположены в лесу, среди топей и болот. Характерны названия этих участков: Гужу оилс (Мусорный бор), Мелнийс пурис (Черное болото) и т. д. В народе о них говорили: «На них ни жить, ни умереть нельзя».

Среди многочисленных батрацких поселков, возникших после буржуазной аграрной реформы, можно назвать поселок в 15 дворов в бывшей Рубенской волости (Акнистский район). Поселок этот известен под двумя названиями: Мочу галс (конец деревни Мочи) и Скродерю иела (улица портных)²⁶. В буржуазной литературе о существовании таких поселков умалчивалось, чтобы скрыть резкое классовое расслоение в деревне.

Классовый принцип в годы буржуазной диктатуры выдерживался также при размещении новых усадеб. На более высоких сухих местах, неподалеку от больших дорог и водоемов (рек, озер), главным образом на пахотных землях бывших помещичьих имений, расположены усадьбы тех «новохозяев», которые получали землю в первую очередь. К этой категории были отнесены прежде всего отличившиеся в подавлении социалистической революции. Преимущественным правом получения земли пользовались также бывшие белогвардейцы, царские жандармы и так называемые долгосрочные арендаторы, большую часть которых составляли кулаки. В стороне от дорог, среди кустов и болот беспорядочно разбросаны усадьбы и усадьбы, застроенные безземельной деревенской беднотой и батраками, которые были отнесены к четвертой, последней категории. О характере местности, где стоят усадьбы бывшей бедноты, красноречиво свидетельствуют их названия, придуманные самими хозяевами: Пурвини (болото), Крумини (кусты), Целмини (пни) и т. д. Такие названия довольно часто повторяются в отдельных уездах и волостях республики. Не случайно в Селпилской волости бывший безземельный крестьянин А. Дзервитс дал своему новому хутору название Пурвини. Он вместе с семьей 25 лет батрачил в имении пастора. При разделе пасторских земель по буржуазной аграрной реформе А. Дзервитс получил 20 га, но только около 5 га удалось приспособить под пашню, остальные 15 га занимало болото. Под-

²⁶ Первое название ему дано потому, что он действительно находился на краю частично уделенной деревни Мочи; второе — в связи с тем, что среди жителей поселка многие были бродячими портными. Основным же занятием большинства жителей была работа по найму у окрестных кулаков.

линное лицо деревни буржуазной Латвии обнаруживалось и в облике крестьянских усадеб. Удручающий вид имели в годы господства латышской буржуазии усадьбы в «старых» и «новых» батрацких поселках. Домишки и хозяйственные пристройки, особенно в «старых» поселках, пришли в полную ветхость и давно бы развалились, если бы не сдерживавшие их подпорки. Буржуазное правительство проявляло своеобразную «заботу» о «благоустройстве» таких поселков, особенно тех из них, которые находились вблизи больших дорог. Например, жители поселка Неретас лауки (расположенного вдоль дороги у самой границы с Литвой) рассказывают, что их заставили заменить соломенные крыши крышами из щепы, а покосившиеся стены избушек незаметно подпереть стойками, свинченными металлическими болтами. Такие домишки «в лубках» стоят еще и теперь. Часть их уже пустует, так как бывшие владельцы, ныне колхозники, переселились в имеющиеся на территории колхоза свободные дома (бывшие кулацкие усадьбы), а некоторые построили себе новые дома.

Большинство безземельных крестьян и батраков как при царизме, так и в годы буржуазной власти не имело своих жилищ. В кулацких хуторах в связи с этим еще в 1870—1880-х годах прочно утвердилось деление дома на две половины — хозяйскую (саймниека галс) и батрацкую (саймес галс). Многие батраки из года в год жили с семьями в топившихся по-черному банях, отсюда их прозвище «пиртниеки» (жители бань). В годы буржуазной власти в Латвии среди сельскохозяйственных рабочих было немало иностранцев — литовцев, поляков, западных белорусов²⁷, которые влачили такое же жалкое существование, как и местные латвийские батраки. За эти годы немало бывших середняков, усадьбы которых были охарактеризованы выше, дошли до грани разорения. Об этом свидетельствовал внешний вид их усадеб — провалившиеся крыши хлевов и сараев, покосившиеся заборы, обветшалые дома, требовавшие капитального ремонта. Особенно много таких запущенных усадеб было в Латгалии, а также в Илукстском и Екабпилском уездах, где удельный вес малоземельных и маломужских хозяйств был больше, чем в центральных и западных уездах Латвии.

Новые постройки у середняков встречались довольно редко, причем это были в большинстве случаев хлева и сараи для хранения корма скоту, который играл основную роль в экономике крестьянских хозяйств при буржуазной власти. Удержаться на своем клочке земли могли только те, кому удавалось участвовать в поставках для заграничных рынков высококачественных сортов масла и бэкона. Поэтому содержанию и вскармливанию скота был подчинен весь распорядок жизни крестьянина. Этим объяснялась и потребность в строительстве новых помещений для скота. Для себя крестьяне в большинстве случаев не могли не только построить новые дома, но и отремонтировать старые.

Выборочное обследование старых усадеб, проведенное Балтийской комплексной этнографической экспедицией в 1952 г. в Неретском и Акнистском районах, показало, что в 94 обследованных старых усадьбах новые жилые дома были построены только шестью хозяевами. Большинство домов не подверглось за годы буржуазной власти какой-либо капитальной перестройке или ремонту. Встречались дома, которые ранее были курными избами. В б. Селпилской волости (Екабпилского уезда), где большинство усадеб было сожжено во время первой мировой войны, почти никто из крестьян не смог построить себе нового дома. Они ограничились восстановлением обгоревших полуразрушенных остовов старых, не пригодных для жилья домов из известняка.

²⁷ Правительство буржуазной Латвии имело договоры с буржуазной Литвой и Польшей на поставку рабочей силы — сельскохозяйственных рабочих.

По-иному выглядели хутора кулаков — «крепости» буржуазного строя. Эти усадьбы отличались и ранее, в условиях царской России, значительно большим числом различных хозяйственных построек и несравненно лучшими, чем у остального крестьянства, жилыми домами²⁸. На таких хуторах появились не только новые, усовершенствованные постройки для скота, но и большие многокомнатные жилые дома. Например, на хуторе Дуцары Акнистского района, принадлежавшем кулаку П. Рудзиту, были следующие постройки: большой двухэтажный кирпичный дом под крышей из оцинкованного железа, оштукатуренный снаружи и внутри и обогреваемый паровым отоплением из своей котельной, каменный хлев на 30 коров, большой свинарник со специально оборудованной кухней, овчарня, конюшня, птичник, несколько каменных складов, погреба и другие постройки. Владелец хутора имел 48 га земли, держал до 20 дойных коров, значительное количество овец и свиней. В хозяйстве разводилось также много птицы. Помимо 4—6 постоянных батраков, он систематически нанимал временных рабочих. Хутор Дуцары далеко не самый крупный из кулацких хозяйств. В центральных и западных уездах Латвии (Цесис, Бауска) и других уездах размеры кулацких владений достигали 150—200 га и более, богаче были и усадьбы.

Буржуазное правительство Латвии проявляло исключительную заботу о таких хозяйствах, являвшихся основными поставщиками сельскохозяйственных продуктов на западноевропейские рынки. С ними заключались наиболее выгодные договоры на поставку этих продуктов, им давались государственные дотации и субсидии на развитие хозяйства, на приобретение племенного скота, сельскохозяйственных машин и на строительство. Об этом не без хвастоты заявлял в свое время бывший министр земледелия буржуазного правительства Латвии Бирзникс: «У нас в Латвии крупному хозяйству государство приплачивает так много, как нигде в мире»²⁹. Цифры эти были действительно немалые: в 1933—1934 гг. правительство Ульманиса выдало кулацким хозяйствам безвозмездной дотации за поставку экспортных сельскохозяйственных продуктов 19,1 млн. лат. За 5 лет с 1930—1935 г. эта сумма составила около 80 млн. лат.³⁰

В годы господства латышской националистической буржуазии по-прежнему, как и в деревне царского времени, в гуще крестьянских хуторов стояли только кабаки. Большинство из них размещалось в бывших корчмах, расположенных на перекрестках и вдоль больших дорог на расстоянии 1—1,5 км один от другого, или в специально построенных помещениях. Иных строений поблизости от хуторских усадеб не было. Школ было мало и находились они преимущественно в волостных центрах.

В некоторых волостях в первые годы буржуазной республики в бывших баронских имениях были открыты народные дома, в частности филиалы Клуба Райниса (Райня клубс). Клуб этот объединял вокруг себя наиболее прогрессивно настроенную часть городского и сельского населения. Однако в начале 1930-х годов эти клубы были почти везде закрыты «по созреванию в антигосударственной деятельности». После фашистского переворота в Латвии (1934 г.) под видом культурных учреждений в деревнях были созданы так называемые «дома айсаргов»³¹, являвшиеся центрами пропаганды фашистского мракобесия.

²⁸ Такой хутор, например, описывает в своем романе «Земля зеленая» народный писатель Латвийской ССР лауреат Сталинской премии А. Упит (хутор Бривини кулака Ванаса).

²⁹ Цит. по книге М. Маркова «Советская Латвия», 1940, стр. 24.

³⁰ См. Я. Крастинь, Крестьянство Латвии под ярмом плутократии, журн. «Мировое хозяйство и мировая политика», 1940, № 9.

³¹ Айсарги — члены латвийской военно-фашистской организации наподобие финских шуцкорпов.

* * *

С установлением в 1940 г. в Латвии Советской власти и наделением земель безземельных крестьян и батраков были созданы реальные предпосылки для коренных изменений условий жизни и быта трудового латышского крестьянства³². Вместе с тем было положено начало созданию новых крестьянских поселений. В первые годы Советской власти, когда еще сохранялось прежнее хуторское землепользование крестьян-единоличников, новые населенные пункты представляли собой также хуторские, однодворные усадьбы. Однако новых хуторов было сравнительно немного, так как значительное число наделенных земель крестьян получило участки с застроенными усадьбами (усадьбы бывших кулаков или земельных спекулянтов). Большинство остальных, получив землю по советской земельной реформе, в связи с условиями военного времени не успело до начала коллективизации (т. е. до 1947—1948 гг.) приступить к застройке своих усадеб³³. С организацией колхозов создавать новые хуторские усадьбы было уже нецелесообразно.

Хуторская система расселения, оставшаяся как тяжелое наследие прошлого, создавала огромные трудности на первом этапе колхозного строительства, при обобществлении земель и ликвидации прежнего лоскутного хуторского землепользования. Хуторское расселение является немалым тормозом и дальнейшего организационно-хозяйственного укрепления колхозов. Оно противоречит самим принципам ведения крупного механизированного обобщественного хозяйства.

Преимущества крупного социалистического хозяйства могут в полной мере проявиться только там, где созданы большие земельные массивы, позволяющие применять современную новейшую технику. Разбросанность хуторов по всей территории колхоза создает большие неудобства в организации колхозных угодий, обуславливает сохранение множества дорог, прогонов для скота и тропинок. Все это снижает эффективность использования машинно-тракторного парка, мешает правильной организации полевых работ. Расположение хуторских усадеб непосредственно на колхозных полях затрудняет выпас скота колхозников и часто приводит к погромам.

Хутора до недавнего времени серьезно мешали правильной организации животноводческого хозяйства в колхозах. В первые годы создания колхозов приходилось пользоваться для размещения скота и хранения кормов исключительно хуторскими постройками бывших крестьян-единоличников, что создавало чрезвычайно большие неудобства. Большинство этих построек не было приспособлено для размещения крупных животноводческих ферм. Мало удовлетворяли потребностям общественного животноводства старые клетки и сараи для хранения корма. Отсутствие более или менее подходящих построек в близлежащих хуторах вынуждало колхозы пользоваться для однотипных хозяйственных и производственных нужд разными, далеко отстоящими одна от другой усадьбами. Некоторые колхозы вынуждены были держать скот в 40 и более местах. Корм хранился почти на каждом хуторе. Вместе с обобществленным скотом в тех же помещениях содержался часто и скот, принадлежащий колхозникам.

³² Об условиях и принципах, положенных Советской властью в основу при проведении земельной реформы, см. С. А. Удачин, Указ. раб., ч. II, Советская земельная реформа в Латвийской ССР, стр. 156—393.

³³ Следует иметь в виду, что в период временной оккупации Советской Прибалтики немецко-фашистскими захватчиками был издан приказ о полной отмене советской земельной реформы. Земля была возвращена прежним владельцам. Вместе с землей у крестьян отбирали посевы, скот и сельскохозяйственный инвентарь. Крестьяне вновь были превращены в батраков, работавших на местных кулаках и немецких помещиков.

В настоящее время многие колхозы провели большую работу по капитальному ремонту, переоборудованию и временному приспособлению старых построек для размещения в них общественного скота и запасов корма. Это дало возможность несколько уменьшить разбросанность хозяйственных помещений. Некоторые колхозы уже построили производственные центры или заканчивают их строительство.

Хуторской тип расселения в меньшей мере мешает правильной организации труда, затрудняет построение бригад и связь между ними, создает большие неудобства в производственном быту колхозников. Достаточно сказать, что из-за отдаленности хуторов от места работы некоторым колхозникам приходится ежедневно проходить пешком по 10—15 км и более (от дома до работы и обратно). Распыленность хуторов по территории колхоза не дает возможности использовать для этого колхозный транспорт. Особенно большие трудности испытывают в этом отношении работники животноводческих ферм, которыми преимущественно являются женщины, — им приходится по три раза в сутки бывать на фермах.

Расселение колхозников по хуторам крайне затрудняет организацию общественно-политической и культурной работы в деревне. В советский период, особенно в послевоенные годы, в сельских местностях Латвии создана широкая сеть культурно-просветительных учреждений — сельских и колхозных клубов, домов культуры, библиотек, красных уголков. Открыто много новых общеобразовательных и специализированных школ. Большинство этих учреждений пока размещено в прежних кулацких или помещичьих домах. Многие хутора находятся на большом расстоянии от них. Это особенно осложняет работу школ, так как приходится ожидать интернаты, что связано с выделением лишних помещений и привлечением специального обслуживающего персонала. Еще более затруднительно в условиях хуторского расселения пользование детскими садами и яслями, имеющимися уже во многих колхозах.

Коммунистическая партия и Советское правительство Латвии рассматривают вопрос о коренном изменении форм крестьянского расселения в молодой советской республике, как необходимое условие упрочения и дальнейшего развития нового социалистического способа сельскохозяйственного производства.

В речи на XIX съезде КПСС секретарь ЦК КП Латвии Я. Калнберзин, касаясь этого вопроса, заявил:

«Нам предстоит, так же, как и в Литве, решить большую и сложную задачу по устройству колхозных поселков вместо хуторов. Наличие многочисленных хуторов создаст серьезные трудности при решении задачи организационно-хозяйственного укрепления колхозов и проведения мероприятий, направленных на быстрый и всестороннее развитие социалистического сельского хозяйства»³⁴.

Во многих колхозах республики уже началась подготовка к переселению с хуторов, а некоторые сельскохозяйственные артели непосредственно приступили к строительству колхозных поселков. Для руководства сельским колхозным строительством и осуществления технического надзора за ним в составе Министерства сельского хозяйства Латвийской ССР было создано Управление по делам сельского колхозного строительства³⁵. Разработкой проектов новых колхозных поселков занят большой коллектив архитекторов и землеустроителей республики. Существенную помощь в решении этих сложных задач оказывают архитекторы Ленинграда и Москвы. При разработке проектов значительное внимание уделяется выбору места для колхозных поселков. Министерством сельского

³⁴ «Правда» от 8 октября 1952 г.

³⁵ С 1954 г. вместо него создано Главное управление по строительству колхозов при Совете Министров ЛССР.

хозяйства Латвийской ССР была выработана соответствующая инструкция, в которой перечислены основные требования к местоположению поселков. Наряду с созданием новых селений намечается превратить в колхозные поселки и некоторые старые населенные пункты (уцелевшие деревни, бывшие центры помещичьих имений, местечки и т. д.) после проведения в них необходимой перепланировки, благоустройства и значительного расширения площади за счет нового строительства.

В процессе создания нового колхозного села выделяются три основных этапа: производственное строительство, создание культурных центров и жилищное строительство. Первоочередным и главным из них является производственное строительство. На нем сосредоточено в настоящее время основное внимание колхозов Латвийской ССР.

За истекшие годы в колхозах республики построено уже более 1000 новых помещений для скота. В Элейском, Бауском, Цесисском, Кандавском и других районах строительство проходит во всех колхозах. Многие колхозы сооружают одновременно несколько больших сельскохозяйственных построек. Таковы, например, кроме названных выше, колхоз «Накотне» (Акнистского района), им. Ленина (Цесисского района), «Большевик» (Резекненского района), «Узвара» (Вентспилского района), «Зелта друва» (Добельского района) и другие. Размещение всех построек проводится с учетом предстоящего сселения в колхозные поселки. Все новые сельскохозяйственные постройки строят по типовым проектам и оборудуют в соответствии с новейшими достижениями зоотехнической науки. Особое внимание уделяется механизации водоснабжения, а также механизации транспортировки кормов и вывозки навоза. В колхозе им. Ленина Валмиерского района на новых скотных дворах эти процессы полностью механизированы. В колхозе им. Сталина того же района в новом свинарнике, рассчитанном на 400 голов (самом крупном в республике), помимо всех других удобств (кормокухни, ванн для купания поросят и др.), установлены приборы для кварцевого облучения молодняка.

Одновременно со строительством общественных зданий сельскохозяйственного значения по всем названным, а также и в ряде других колхозов ведется жилищное строительство.

Пионерами в строительстве колхозных поселков являются колхозы «Накотне» Добельского района, «Селия» Екабпилского района, «1 Мая» Резекненского района и некоторые другие.

Колхоз «Накотне» является первенцем колхозного строя в Латвии; он организован в декабре 1946 г. За истекшие годы колхоз превратился в крупное социалистическое хозяйство. Общая земельная площадь колхоза — 1100 га. На этой площади находилось в прошлом более 80 хуторских усадеб. Вопрос о создании колхозного поселка был поставлен колхозниками «Накотне» в первые же дни организации колхоза. В настоящее время в новом колхозном поселке «Накотне», строящемся по утвержденному общим собранием колхозников проекту, заканчивается строительство производственных усадеб колхоза, построено несколько общественных зданий культурно-бытового назначения, выросла улица в 20 домов.

Колхоз «Селия» организовался в феврале 1947 г. Земельная площадь колхоза 1500 га. На этой площади в прошлом было 77 хуторов и центральная усадьба пасторского имения. Колхозники еще весной 1947 г. наметили местоположение колхозного поселка и тогда же приступили к строительству производственных усадеб, в которых испытывали острую нужду. Первый архитектурный проект поселка был разработан в начале 1948 г. В дальнейшем, в связи с быстрым ростом колхоза, он был подвергнут коренной переработке. Происшедшее затем укрупнение колхоза и вызванное этим некоторое изменение в местоположении проектируемого поселка потребовали вновь частичной переработки проекта. Связанная с этим задержка отодвинула сроки разметки проекта в натуре, что лишило колхозников возможности приступить непосредственно к выбору

усадеб и началу их застройки. Этим в значительной мере объясняется то, что пока в жилом секторе поселка построена только одна усадьба, принадлежащая колхознику Барздину. Правда, в пределы поселка вошли 19 старых усадеб, наиболее компактно расположенных. Остальные усадьбы, как видно по плану, приведенному на рис. 4, бессистемно разбросаны по всей территории колхоза. Несмотря на то, что в колхозе «Селия» проделана уже значительная работа по переоборудованию и

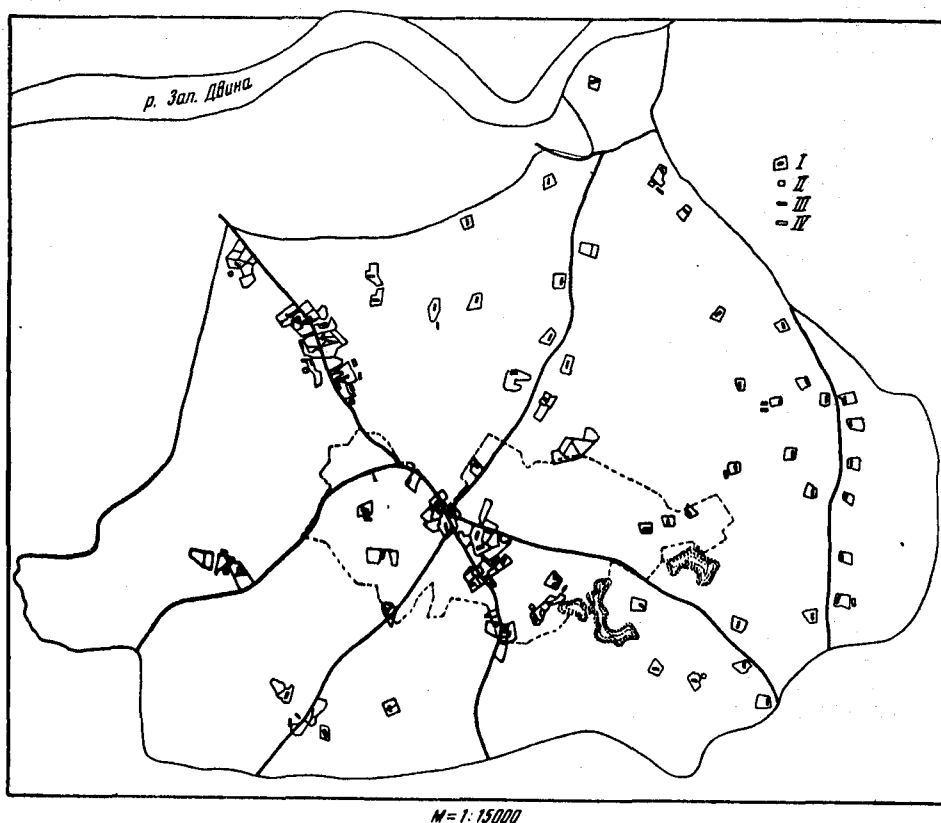

Рис. 4. Карта-схема размещения усадеб колхозников, хозяйственных и производственных точек колхоза «Селия» Екабпилского района: I — приусадебные участки с жилыми домами; II — животноводческие фермы; III — конные дворы; IV — склады и производственные помещения. Пунктиром показаны границы будущего колхозного поселка

приспособлению старых построек для размещения общественного хозяйства, современное размещение его может рассматриваться только как временное. Животноводческие фермы колхоза пока размещены в 10 усадьбах, конюшни — в 8 местах, складские и производственные помещения — в 26 усадьбах.

На рис. 4 пунктиром обозначены границы будущего колхозного поселка, а на рис. 5 дан его план.

Выбор места для поселка можно считать вполне удачным. На этой площади сконцентрировано уже теперь 35 колхозных семей, проживающих в старых усадьбах. Поселок будет расположен по обе стороны шоссе. Архитектор удачно включил в план и другие проходящие здесь дороги. Помимо основной улицы, будут проложены еще две дугообразного направления, что обусловлено холмистым рельефом местности.

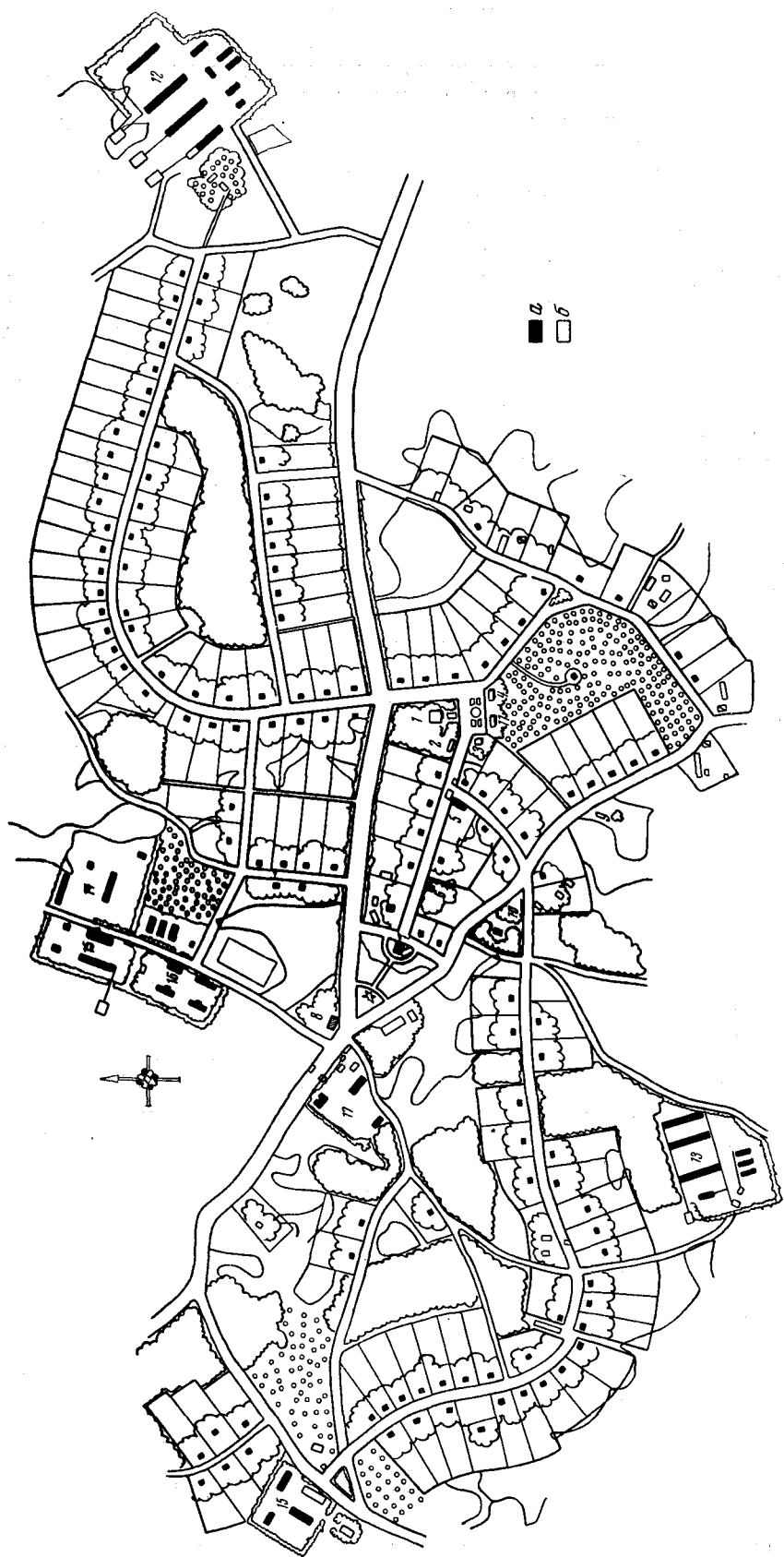

Рис. 5. План-проект поселка колхоза "Селия": а — запроектированные постройки; б — старые строения; 1 — клуб; 2 — столовая; 3 — магазин; 4 — многокомнатный жилой дом-общедитие; 5 — парикмахерская; 6 — детский сад; 7 — сельский совет; 8 — правление колхоза; 9 — баня-прачечная; 10 — амбулатория; 11 — почта; 12 — ферма крупного скота; 13 — ферма мелкого скота; 14 — птицеферма; 15 — конные дворы; 16 — склад; 17 — механические мастерские.

Еще в 1947 г. в центре будущего колхозного поселка был выстроен клуб. В настоящее время в находящихся рядом с клубом хуторских усадьбах временно размещены сельский совет, медицинский пункт, отделение связи, магазин сельского потребительского общества, детский сад, столовая и гостиница колхоза³⁶. Предстоят еще большие работы по расширению и благоустройству административно-культурного центра и главным образом по застройке жилых кварталов (150 дворов). Планом строительных работ колхоза предусмотрено выстроить в ближайшие годы новый, значительно большего размера клуб, а имеющееся здание использовать под контору колхоза. Намечено также строительство зданий для детского сада, столовой, бани-прачечной, парикмахерской и др.

Проектом предусмотрена прокладка через всю территорию поселка водопровода и намечено строительство водонапорной башни. В первый же год организации колхоза сюда была проведена высоковольтная линия от Кэгумской электростанции. Тогда же была осуществлена общая радиофикация и установка в некоторых усадьбах телефонов.

Большое внимание уделено озеленению поселка и разведению фруктовых садов. В юго-восточной части поселка будут полностью сохранены парк и фруктовый сад бывшего пасторского имения, в северо-восточной части намечена разбивка нового фруктового сада. Запроектировано создание искусственных водоемов. Отведены места для физкультурных площадок.

Производственные усадьбы, как видно, из проекта, сконцентрированы в четырех местах и расположены по окраинам поселка. При проектировании их учитывалась в первую очередь хозяйственная целесообразность, а также возможность максимального использования имевшихся уже на территории построек, особенно тех из них, которые колхозом были капитально отремонтированы и переоборудованы для общественного хозяйства. Самая крупная хозяйственная усадьба — ферма крупного рогатого скота — создается на территории трех смежных старых хуторских усадеб «Павули», включенных в пределы поселка. Имевшийся там коровник, переоборудованный для содержания общественного скота, будет значительно увеличен. Рядом с ним строят еще два. Там же будут построены телятник для самых маленьких телят, складские помещения для кормов, хранилища для молока и кормокухня.

Фермам мелкого скота и молодняка крупного рогатого скота отведено место в районе усадьбы «Лачи». В третьей хозяйственной усадьбе будет размещен конный двор. Четвертая хозяйственная усадьба объединит все складские хозяйства; там же будут находиться второй конный двор, птицеферма, зерносушилка и кузница колхоза. Строительство некоторых хозяйственных и производственных помещений уже закончено. Так, например, уже построен коровник на 120 голов, к которому при помощи электронасоса подведена вода. Это дало возможность применять автопоилки. Построены также две зерносушилки, гараж, оборудованы две мукомольные мельницы.

Колхоз «1 Мая» Резекненского района, расположенный на месте сожженной в январе 1943 г. немецко-фашистскими оккупантами русской деревни Аудрини, известен по всей республике. Жители этой деревни во время Великой Отечественной войны оказывали активную помощь советским партизанам и за это подверглись жестоким репрессиям со стороны фашистских извергов. Деревня (48 дворов) была сожжена, а жители, около 245 человек, включая грудных детей, расстреляны.

Родственники и близкие погибших — жители близлежащих деревень, объединившись в 1948 году в колхоз, решили создать на месте сожженной деревни колхозный поселок. В настоящее время в поселке колхоза

³⁶ О поселке колхоза «Селия» см. также нашу статью «На пути к культурной и зажиточной жизни» в журнале «Советская этнография», 1951, № 2.

«1 Мая» застроены две улицы — улица Ленина и Аудринская. На площади, разбитой на перекрестке этих улиц, установлен памятник погибшим жителям деревни Аудрины.

На территории поселка построено новое трехэтажное здание средней школы, открыты клуб, почта, магазин.

Одновременно со строительством жилой части поселка производилась застройка производственного центра — помещений для животноводческих ферм, конного двора, складских баз и др.

Колхозникам сельскохозяйственной артели «1 Мая» активно помогала в строительстве поселка советская общественность. Районные организации помогали транспортом. Соседние колхозы выделяли своих плотников.

Рис. 6. Новые дома в поселке колхоза «Красное знамя» Малтского района

Некоторые колхозы организовали бригады, которые перевозили с хуторов и восстанавливали в поселке отдельные дома. На новых усадьбах часто можно было видеть дощечку с надписью, говорящей о том, что колхознику такому-то строит дом такой-то колхоз. По воскресеньям в колхоз «1 Мая» приезжали коллективы рабочих и служащих города Резекне для помощи в строительстве колхозного поселка.

За последние два года к переселению с хуторов в поселки приступили и в некоторых других колхозах. В колхозе им. М. Горького Вильянского района перенесено в поселок 20 домов, подготовлен материал для строительства новых домов.

В колхозе «Красное знамя» Малтского района перенесено из хуторов в поселок 36 домов и выстроен ряд новых (см. рис. 6). В колхозе им. Сталина Валмиерского района, одном из передовых колхозов республики в отношении строительства, также уже выросла целая улица домов колхозников. Подобных примеров можно привести немало.

Большой интерес проявляют колхозники к вопросам порядка расселения в новых поселках. В одних колхозах намечают расселиться (или уже расселяются) по бригадам (колхоз «Селия»), в других колхозах места для застройки усадеб выделяются по жребию (колхоз «1 Мая»), в третьих лучшие места в будущем поселке, расположенные ближе к центру, предоставляются выбрать лучшим людям колхоза, имеющим наиболее высокие производственные показатели.

Размеры приусадебных участков в большинстве колхозов установлены в 0,5 га (в некоторых 0,4 га или 0,6 га). Планировка усадеб в новых поселках и характер построек резко отличаются от усадеб бывших крестьян-единоличников. С обобществлением основных средств производства отпала необходимость в конюшнях и сараях для хранения инвентаря, значительно сократились потребности в помещениях для скота и хранения корма. Ненужным стало и гумно. При переселении в колхозные поселки из старых хуторских усадеб эти постройки не восстанавливают. В большинстве вновь застроенных усадеб, кроме жилого дома, имеется еще только одна хозяйственная постройка — скотный двор, который объединяет помещения для коров, свиней, овец; часто здесь же держат птицу. Чердачное помещение над скотным двором используется для хранения корма. В некоторых усадьбах сарай для корма строят отдельно. Иногда во дворе строят еще погреб, но чаще он находится под домом.

Наиболее распространен следующий план усадеб. Вдоль улицы (передним или боковым фасадом к ней) стоит дом. В некоторых поселках его располагают в одну линию с улицей, а в других отодвигают в глубь усадьбы на 6—8 м. Пространство перед домом используется как палисадник. За домом на расстоянии 15—20 м от него поставлен скотный двор. Вокруг дома с трех сторон разбиты клумбы, посажены декоративные и ягодные кусты. Вся остальная территория усадьбы используется под огород и фруктовый сад. Фруктовые деревья еще не везде посажены, но стремление к этому у колхозников Латвии очень большое. Некоторые колхозы имеют уже свои питомники фруктовых деревьев, снабжая саженцами не только членов своей артели, но и другие колхозы.

При переселении колхозников в поселки старый жилой фонд используется лишь частично, так как многие строения очень ветхи или непригодны по материалу (дома из плитняка). Это в первую очередь относится к усидбам бывших батраков и бедняцкой части старых дворохозяев. Новые усадьбы необходимы и бывшим безземельным крестьянам и батракам, впервые получившим землю при советской власти. Таких хозяйств довольно много, например, в колхозе «Някотне» Добельского района. Государство оказывает всемерную помощь новоселам, предоставляя долгосрочные кредиты. Основным строительным материалом для жилых и хозяйственных построек колхозников служит дерево (а также кирпич и различные бетонные смеси, например, дерево-бетон). Крыши большей частью кроют шифером, что придает домам особо нарядный вид. Меняется и самый тип жилых домов. В отличие от старых домов, имевших форму удлиненного прямоугольника (с соотношением сторон 3:1), новые постройки приближаются к квадратной форме, что обеспечивает более удобную внутреннюю планировку. Потолки в новых домах выше, просветы окон значительно увеличены. Внутренние стены помещения штукатурят.

Параллельно с застройкой жилых кварталов в поселках ведется строительство общественно-культурных центров, а также некоторых коммунальных зданий. О строительстве Дома сельскохозяйственной культуры и других зданий хозяйственного и культурно-бытового назначения сообщал, например, председатель колхоза им. Сталина Смильтенского района: «В колхозном поселке на берегу р. Абула в 1953 г. будет построен Дом сельскохозяйственной культуры с лабораториями, кабинетами, аудиториями. В 1954 г. сдадим также в эксплуатацию хорошо оборудованную мельницу, хлебопекарню, столовую и здание правления колхоза»³⁷. В этом колхозе закончены также основные сельскохозяйственные постройки. Дома сельскохозяйственной культуры и клубы строят и другие колхозы.

³⁷ «Колхозник Советской Латвии», 1952, № 10, стр. 319. Строительство Дома сельскохозяйственной культуры в 1953 г. закончено.

Большое двухэтажное кирпичное здание клуба заканчивает строительством колхоз «Звейниекс» (рыбак) Саулкрастского района. Для клуба выбрано красивое место на берегу моря. Вокруг него будет разбит парк. Новое здание клуба построено также в колхозе Гайсма Барбельского сельского совета Бауского района. Колхозы, на территории которых оказались бывшие замки немецких баронов и помещичьи дома, приспособили их для общественных нужд, оборудовав как здания культурно-бытового назначения. Общественным достоянием колхозников стали также помещичьи парки. Фруктовые сады включены в хозяйство колхоза. В некоторых колхозах построены новые школы и больницы.

Громадное значение для изменения условий быта и повышения культуры сельского населения имеет электрификация колхозов. Ведется строительство небольших колхозных и межколхозных гидроэлектростанций.

Уже в течение трех лет работает межколхозная гидроэлектростанция на р. Нерета, построенная четырьмя колхозами. Электроэнергия от нее используется для производственных нужд этих колхозов и освещает не только их населенные пункты, но и районный центр.

В Добельском районе силами четырех колхозов — им. Райниса, «Лиесма», «Тайснийба» и «Варпа» — строится межколхозная электростанция «Аннениеки». В Краславском районе для строительства межколхозной гидроэлектростанции «Ниедрица» объединились 7 колхозов. В Резекненском районе строится межколхозная станция «Спруксты». Наиболее крупной из колхозных гидроэлектростанций является межреспубликанская станция на оз. Дрисвяты, законченная строительством и сданная в эксплуатацию в июле 1953 г. Станция эта по праву носит название «Дружба народов»: в строительстве ее принимали участие и пользуются теперь электроэнергией колхозники пограничных латышских, литовских и белорусских колхозов, расположенных на стыке трех союзных республик — Латвийской, Литовской и Белорусской ССР.

* * *

Опыт, накопленный колхозниками Латвии в организационно-хозяйственном укреплении колхозов, все больше убеждает их в необходимости ликвидации старой формы хуторского расселения и замены ее новой формой, отвечающей новому общественному строю. Свидетельством этому является активность колхозников в обсуждении проектов колхозных поселков на общих собраниях, стремление выбрать для поселков самые лучшие, удобные и живописные места, наличие в правлениях колхозов значительного числа заявлений от колхозников о желании переселиться с хуторов в поселки.

Переход от хуторов к колхозным поселкам представляет собой вместе с тем большую и сложную проблему, которая не может быть решена в короткие сроки. То, что проделано в настоящее время, можно рассматривать только как начальный этап. Осуществление величественной программы дальнейшего расцвета народного хозяйства нашей страны, принятой XIX съездом КПСС, и решений сентябрьского Пленума ЦК КПСС «О мерах дальнейшего развития сельского хозяйства СССР» требует усиления внимания со стороны партийных и советских республиканских организаций к практическому разрешению этой задачи. К этому призывал в своем докладе на сентябрьском Пленуме Центрального комитета Коммунистической партии Советского Союза секретарь ЦК КПСС Н. С. Хрущев, подчеркнув, что в отношении хуторской системы расселения не может быть двух мнений. «Мы стоим за то, чтобы постепенно ликвидировать хуторскую систему и создать общеколхозные поселки. Это обеспечит более благоприятные условия для подъема колхозного производства и позволит улучшить культурно-бытовые условия жизни

колхозников, построить хорошие школы, больницы, родильные дома, детские учреждения. Но было бы неправильно проявлять торопливость в практическом разрешении этого вопроса. Надо, чтобы партийные и советские органы вместе с колхозниками всесторонне взвесили местные возможности и в зависимости от них решали вопрос о том, где, когда и как проводить это дело. Мы уверены, что будет найдено правильное решение. Сами колхозники не захотят жить по хуторам и поставят вопрос о необходимости улучшения культурно-бытовых условий»³⁸.

На состоявшемся в начале октября 1953 года в Риге VIII Пленуме Центрального Комитета Коммунистической партии Латвии, посвященном обсуждению вопроса об итогах сентябрьского Пленума ЦК КПСС и задачах партийной организации по дальнейшему подъему сельского хозяйства республики, в числе других важнейших вопросов были вновь затронуты вопросы о новом колхозном строительстве и переселении с хуторов в колхозные поселки. Решения Пленума по этим вопросам направлены на обеспечение форсированного строительства общественных построек в колхозах и создание необходимых условий, способствующих постепенному переходу от хуторов к колхозным поселкам³⁹.

В январе 1954 г. правительство Латвийской ССР, учитывая желание колхозников переселиться с хуторов в колхозные поселки, определило меры помощи переселяющимся. Они освобождаются от уплаты сельскохозяйственного налога в течение двух лет. Им предоставляются государством долгосрочные кредиты в размере от 4 до 10 тысяч рублей⁴⁰ и лесоматериалы на льготных условиях. Предусмотрена помощь со стороны МТС в перевозке тракторами и автомашинами общественных построек, строительных материалов, а также жилых домов и хозяйственных построек колхозников с оплатой по плановой себестоимости. Колхозам рекомендовано по решению общих собраний оказывать переселяющимся помощь в расчистке и расчистке новых приусадебных участков, в перевозке построек и имущества, в пересадке фруктовых деревьев, в заготовке и перевозке строительных материалов за счет колхоза, а также путем выделения рабочей силы для участия в строительстве на новом месте. Колхозникам, участвующим в этой работе по нарядам правлений колхозов, рекомендуется начислять трудодни с последующим удержанием их с тех, для кого производилась работа. Инвалидам Великой Отечественной войны, семьям военнослужащих и семьям с большим числом нетрудоспособных строительство или перенос домов производить полностью или частично за счет колхоза. Намечено расширить производство необходимых для строительства изделий местной промышленности и промысловой кооперации, а также производить продажу через сеть Латпотребсоюза кирпича, черепицы, шифера и других строительных материалов. Принятые решения о мероприятиях по оказанию помощи колхозникам, переселяющимся с хуторов в колхозные селения, частично перечисленные нами, еще раз свидетельствуют о заботе, проявляемой Советским правительством в создании более благоприятных условий для развития общественного хозяйства колхозов, улучшения материального благосостояния и повышения культурного уровня колхозников.

³⁸ «Коммунист», 1953, № 14, стр. 56.

³⁹ См. газ. «Советская Латвия», 8 октября 1953 г.

⁴⁰ Размер и сроки предоставления кредита зависят от того, переносятся ли старые постройки или сооружаются новые.